

18+

Владимир Бахмутов

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

Владимир Бахмутов
Охотничьи рассказы

«Издательские решения»

Бахмутов В.

Охотничьи рассказы / В. Бахмутов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987586-0

Мне уже за 80. В лесу и на болотах я не был много лет, и потому объективно судить о том, какой стала нынче охота, не смогу. Но я был заядлым охотником в молодости. С этого и хочу начать повествование. Основная часть рассказов написана на основе моего собственного опыта, часть — на основе Забайкальской и Красноярской исторической хроники. Об этом, в частности — трагическая история охоты Петра Сурикова на кабаргу, во время которой он получил тяжёлое ранение, лишившее его глаза.

ISBN 978-5-44-987586-0

© Бахмутов В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Охотничьи рассказы минувшего века	7
Худая примета	7
Охота пуще неволи	11
Таёжная баня	15
Фарт	19
Шедевр	26
Капкан	28
Белый колонок	30
На правобережье	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Охотничьи рассказы

Владимир Бахмутов

© Владимир Бахмутов, 2020

ISBN 978-5-4498-7586-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мне уже за 80. В лесу и на болотах я не был много лет, и потому объективно судить о том, какой стала нынче охота, не смогу. Но я был заядлым охотником в молодости. С этого и хочу начать повествование.

Не могу не сказать читателю, что при всех возникавших у меня во время охоты проблемах, таких, как встреча с волками, стаями одичавших собак и даже медведем, все они заканчивались для меня благополучно, хотя опытные охотники знают, что порой случаются во время охоты и трагедии.

Основная часть рассказов написана на основе моего собственного опыта, часть – на основе Забайкальской и Красноярской исторической хроники. Об этом, в частности – трагическая история охоты Петра Сурикова на кабаргу, во время которой он получил тяжёлое ранение, лишившее его глаза.

Но и это не самое страшное и трагическое, что может случиться на охоте. Пожалуй, наиболее впечатляющими в этом отношении являются рассказы «Волки» и «Медвежатник» моего товарища, тоже писателя, члена Красноярского отделения Российского Союза Писателей Николая Меркулова

И потому я включил в этот сборник сокращённые вольные их пересказы с указанием, разумеется, авторства Николая Меркулова.

Охотничьи рассказы минувшего века

Худая примета

Мы возвращались с дедом Прохором с Яблонова хребта, – ходили туда на разведку ягодников. Результаты похода радовали. Урожай на заветных дедовых местах выдался богатый. Кроваво-красной россыпью усеяла сибирская царь-ягода широко раскинувшиеся заросли свиного багульника, густо багровела крупными гроздьями на солнцепеках. Весенние лесные пожары – бич забайкальской тайги, обошли эти места стороной. Не прихватило, видно, цветущую ягоду и последними июньскими заморозками. Славный выдался урожай. Радостно было видеть это изобилие, обещающее сытую осень лесному зверю и таежной птице.

При всем этом Прохор Астафьевич, пошарив в нескольких местах в траве корявыми пальцами, сделал заключение, что ягода еще не поспела и что недельку-другую нужно со сбором подождать. И вправду, приглядевшись, я увидел, что обращенная к земле сторона ягодинок частенько светилась чуть розоватой белизной, хотя их поверхность, обращенная к солнцу, пламенела багрянцем, а во многих местах уже приобрела темно-вишневый, почти черный оттенок.

После полудня, осмотрев места, повернули назад, – в долину Ингоды. Шли молча, не торопясь, дед впереди, я – за ним, глядя, как легко и бесшумно ступали по земле дедовы ичиги*. Каждый думал о своем, отдыхая душой и любуясь красотой забайкальского леса.

Стоял пригожий сентябрьский денек, один из тех, которыми так славится забайкальская осень. Утром, когда шли в хребет, было морозно, на траве искрился иней. А к полудню растеплилось, даже стало жарко. Чистое и бездонное голубело над нами небо, парила земля, в воздухе стоял пряный запах сырого листа, смешанный с запахом еще не увядшего таежного разнотравья. Лес золотился опадающим березовым листом, отливал багрянцем прихваченной заморозком осины. То тут, то там слышался перестук дятлов. Издалека доносился призывный посвист рябчиков.

Дед Прохор упрел под солнцем в черной своей телогрейке и зимней шапке-ушанке. Остановившись у поляны, снял шапку, предложил отдохнуть. Над лысиной его со слипшимися жиденькими волосенками вился парок.

– Лета! – многозначительно сказал он и, горько вздохнув, принялся подбирать валявшиеся кругом пересохшие сучки.

– Ито, – подумал я, – семьдесят с хвостиком, – еще бы не «лета», не без удивления и зависти наблюдая, как быстро и ловко выполнял свое дело дед Прохор.

Достав из рюкзака походный котелок, я спустился к журчавшему невдалеке ключу. Когда, зачерпнув воды, распрямился над берегом, вдруг раздался шум, треск сучьев, и я увидел, как от ключа в кручу наметом понеслась косуля. Я наблюдал за нею, пока она не скрылась в дальних зарослях.

– Метров, однако, семьдесят, – подумал я.

Вернувшись, застал Прохора Астафьевича возле уже разгоревшегося костра. Возбужденно рассказал ему о встрече, отметив при этом, что косуля была далеко – не всякому достать пулей.

– Пошто не достать, – сказал мне на это Прохор Астафьевич, усмехаясь, с очевидным удовольствием наблюдая за моим возбуждением. – Всего-то сто аршин. Езди с сошек, то пошто не взять? Это ноне, – продолжал он, – не стали сошек-то делать. Ленятся нынешние охотники носить их с собой – не удобно, мол.

Я стал расспрашивать его о старых приемах охоты, старинных поверьях и приметах.

– А вот сейчас чай поставим, я тебе одну историю обскажу. Он закрепил чайник над огнем, поудобнее устроился на поваленной лесине, возле которой горел костер.

– Это мне бабка моя сказывала, – начал Прохор Астафьевич, – да только давно уж это было, я точно-то все и не помню. Сказывала она, что дедушка мой Парфентий был ох какой бесстрашный, да отчаянный человек. Одно слово – медвежатник! Не один десяток раз на медведя ходил и все с удачей! Не боялся ни черта, ни лешего, никово!... И в бога не верил. Все больше верил в свою силу, да удаль.

Вот, значит, раз собрался он на охоту. Один, – без собаки. На медведя собрался. Обычно-то на медведя как ходят: зимой, значит, на берлогу – с собаками, а летом сидьбу на деревьях делают. С ее и бьют медведя-то, – скрадывают*.

Ну, собрался, значит, в тайгу. Стал готовиться. Проверил припас, то, да се, стал винтовку смотреть. Видит, – сошки* разболтались. Стал поправлять, да как-то неловко повернул, одна сошка-то – «хрясь» и лопнула. Оне, сошки-то, у него для легкости были из листвяка* сделаны, а на концах железны наконечники надеты, чтоб, значит, крепить к стволу, да ловчее в землю втыкать.

Ну, изругал себя, конечно, дедушка за такую неловкость. Поправил кой-как сошку-то, тряпичей примотал, – вроде ладно.

А бабка-то увидела тако дело, да и отговариват его:

– Не ходи, грит, на охоту, – нельзя! – Раньше-то, ить, поверья всяки были: там, в такой-то день, – в Ильин ли, че ли, – нельзя в лес ходить; в тако-то время – в реке купаться; или вот, езди к примеру сошка поломается – шибко худой считалась примета. Не к добру!

Дедушка, конечно, и сам про эту примету знал, токо карактер больно был у него своенравный, – не хотел от своо отступаться, сердился:

– Ну, дак што, грит, за беда, коли сошка изломалась? Да она и не изломалась вовсе, а токо треснула. Вот примотаю сейчас, – и всего делов... И приметы-то у тебя все каки-то глупы, – это он бабке-то.

Собрался, одним словом. Пошел. Што с им сделаеш. Бабка токо спину ему осенила крестом:

– Господи, грит, спаси и сохрани его, неслуха окаянного.

Пришел, значит, дедушка до места, влез на сидьбу, сял. Сидьба – это вроде как настил такой промеж дерев. От земли, к примеру, – сажени с две. От медведя, конечно, така высота не спасет. Каво там, все одно – достанет. Однако, езди винтовка справна, стрелок добрый, да с умом, то можно, конечно, и медведя положить.

Сидьба-то обычно на солонцах делатца. По нашему солонцы – это куды козы, да гураны* приходят, чтоб, значит, соль грызть. Ну и медведь тоже ходит к солонцам. На их, – на коз тоисть. Караулит, значит, – скрадыват.

Ну вот, сидит дедушка, смотрит. Уже полночь. Ране часов-то не было, – по звездам время узнавали. Примерно, конешно.

– Сижу, грит, – это дедушка потом бабке-то рассказывал, – слышу: в кустах затрещало. Приготовился, – винтовку скинул, на сошки поставил, снял с предохранителя, жду. Никаво не видно. Вдруг ближе кусты затрещали – гуран выходит на поляну. Да ладный такой, крупный, рожки на три отростка, – в лунном-то свете хорошо видно. Ну, думаю, надо брать! Я его «хлоп»! А он отскочил, да – «ха-а-ав»! Это гуран-то.

– А Порфентий, – дедушка-то мой, – мимо не стрелял. – Прохор Астафьевич помолчал, подбросил в костер сушняку. – Не было такого. А тут, вишь, ушел гуран-то. Об дерево посапался и ушел.

– Гляжу, грит, другой идёт, и опеть к той же березке. Опеть стал сарапаться об её. Я его «хлоп»! А он – «ха-а-ав» и опеть отскочил. Я, грит, сижу и думаю: куды же это я стреляю? Сроду так не стрелял.

Еще маленько посидел, – опеть гуран идет мимо соли. Снова, – «хав, хав». Я, грит, его два раза стрелил, – опеть мимо. Он так и убяжал. – Прохор Астафьевич вновь замолчал, поправляя костер. Языки пламени взметнулись вверх, охватывая стенки чайника.

– Вот совсем стемнело, заморочачило*, луны не видать. Дедушка-то и думат: – таперь ково дожидать? Ково я таперя настреляю? Таперь, думат, ночевать надоть, а скрадывать – завтра. Вдруг слышит: с гольца шум. Ближе, ближе. Кусты затрещшали, зашевелились. Выходит медведь на поляну. Стал, и на его, – на дедушку-то, – смотрит.

Хотел дедушка стрелить, – руки не поднимаются! Отнялись, и все тут! Ни крикнуть, ни двинуться не может! Как вспомнил про сошку-то, так меня, грит, холодным потом и прошибло! Ну, думаю, – конец пришел!

А медведь как рывкнет, – только лес зашумел, да заухал! А дедушка-то уж нашто бесстрашный был, а тут, грит, не помнит, как и с сидьбы скатился, – слетел на другу сторону, да прытяком рванул из тайги до дому, токо так!

А, ить, от Сенной-то пади* до нашей деревни верст пять али шесть. Никак не мене! Да ить лесом, – там и листвяг* на марях*, и гнилой березник, и осинник. Всяко там: и ломы*, а по курумнику* – багульнику много и ольховых кустов, – трушшоба одним словом. Да ить не по ровному месту, – хребтами! Ты знашь, поди, за Нарымом*-то каки падушки, – круты, да глубоки, о-ё-ё! Да потемну! Как токо глаза уберег!?

Прибёг дедушка к дому сам не свой. А бабка-то ему и говорит:

– А я тебе што говорела, – не ходи, раз сошку изломал. Дак ты пошел, не послушал меня, ишшо и шаперился. Ты пошто такой-то?

Назавтре дедушка встал поране. По-тихому за деревню отошел с винтом*. В пятнышко на березе стрелил, – куды метил, туды и попал. Стрелил еще раз, – опеть ладно!

Чайник закипел. Ключем забурлившая вода полилась через край в костер. Головешки зашипели, извергая клубы пара. Дед Прохор встрепенулся, расторопно подхватил чайник руково телогрейки, снял его с поперечины, поставил на траву возле костра. Всыпал заварки, придвинул чайник поближе к горячим углям. Потом, посмотрев на меня, закончил:

– А сошки-то с той поры дедушка стал пуще глаза беречь. И с бабкою, когда та ему выговаривала, перестал спорить. Все больше молчком. Но, конешно, все одно, – делал по своему.

Прохор Астафьевич замолчал, занявшись чайником. Разлил чай по кружкам. Не вставая с лесины, наклонился, сорвал горсть брусники вместе с листом, – бросил в кружку. Потянул носом парок. Удовлетворенно крякнул. Зашвыркал, отпивая мелкими глотками горячий чай.

Почаевали. Молча собрались, погасив остатками чая угасающий костер. Двинулись вниз по тропе. Метров через двести вышли на голый, открытый ветрам и солнцу увал. Взору открылась широкая долина. На том ее краю, у подножья горной цепи, искрилась под солнцем, голу-бела, извиваясь, Ингода. Вдоль реки тонкой серой лентой лежал Московский тракт. Мелкими цветными букашками ползли по нему автобусы, грузовики, разномастные легковушки. От тракта в сторону Яблонова хребта ветвились проселочные дороги. По одной из них пылила в хребет вереница легковых автомашин.

– Ну, потянулася саранча, – хрипло проговорил дед Прохор. Взгляд его уперся в пыльные хвосты проселка. – Сатана бы их забрал! Он в сердцах плюнул и отвернулся.

В голосе деда звучали неприязнь и осуждение. Выражение лица его было непривычно жестким, незнакомым. Я понимал его досаду. Досаду на то, что они, эти люди, вот так легко, шутя покрывают на моторах лесные километры, без особого труда забираясь в самые глухие, заветные места. А особенно за то, что они едут брать недоспелую ягоду, едут, торопясь опередить друг друга. Прохор Астафьевич знал уже, как будут эти люди торопливо снова по лесу, обирая самые богатые участки, безжалостно вытаптывая и давя колесами все остальное. А потом в городе будут выдерживать ягоду в темных чуланах и кладовках с тем, чтобы,

когда она «дойдет», торговать ею на рынке, выдавая за полноспелую царицу забайкальской тайги.

– Эх люди, люди! – с горечью вздохнул дед Прохор, вскинул на плечо котомку и не оглядываясь зашагал вниз по тропе.

Охота пуще неволи

Коллеги-геологи знали Петровича, как страстного охотника и рыболова. Была у него ижевская двустволка—вертикалка, которой он очень дорожил, холил ее и, уходя в лес или выезжая в поле, непременно брал с собой.

Зимой, когда сотрудники института, вернувшиеся с полевых работ, обретали, наконец, статус городских жителей, занимаясь камеральной обработкой полевых материалов и подготовкой отчетов по завершенным работам, выходные свои дни, – субботу и воскресенье посвящал Петрович охоте.

Поднимался затемно, – часов в пять, осторожно, на цыпочках, чтобы не потревожить жену и ребятишек, шел в ванную, наскоро умывался, обтирался по пояс холодной водой, торопливо пил чай и, прихватив с вечера заготовленное снаряжение, уходил из дома.

Шел, не торопясь, по темным городским улицам, вдыхая морозный воздух, забросив на плечо рюкзак с торчавшей из него разобранной и зачехленной двустволкой. Первый автобус увозил Петровича за Ингоду, – на окраину города. Оттуда уже видно было, как вздымалась вверх поросшая лесом горная гряда. Еще с час скрипел Петрович унтами по присыпанной снегом дорожной обочине, пока не подходил, наконец, к черневшему в ночи лесу.

Вот отсюда, – с этой опушки и начиналась та сладостная цепь ощущений и впечатлений, ради которых поднимался Петрович в такую рань. Сняв рукавицы и опустив рюкзак на снег, расчехлял, собирал и заряжал он свою двустволку, рассовывал по карманам запасные патроны. Много патронов Петрович с собой не брал. Знал уже по опыту, что если попусту их не жечь, то за целый день хождения по лесу удастся выстрелить лишь раза три-четыре, иногда – и того меньше. Поэтому брал с собой зарядов пять-шесть, – по два со средней и крупной дробью и один-два с пульей, – так, на всякий случай.

Закинув за спину полегчавший рюкзак и вскинув за плечо ружье, по чуть заметной прогалине углублялся Петрович в ночной лес. Чем дальше уходил, тем все тише и тише становилось вокруг, слышался только хруст снега под ногами, да собственное дыхание. Но это только казалось так. Стоило только приостановиться и прислушаться, как лес оживал.

Вот скрипнуло где-то дерево, – видно, шевельнуло ветерком вершину. Вот где-то далеко рухнула наземь неустойчиво прислоненная лесина, – наверное, под тяжестью навалившегося снега. Гулко пронесся над лесом дробный перестук, будто кто-то часто-часто заколотил палкой по сухому дереву. Испуганно вскрикнула над головой птица, захлопала крыльями, полетела невидимая в непроглядной еще темноте прочь от тропинки.

Затрещал вдруг невдалеке валежник, зашуршали кусты. Это ночевавшие среди кустов косули, затаившиеся и настороженно подняв головы ждавшие, когда затихнут вдали человеческие шаги, услышав, что он остановился, не стали испытывать судьбу, – оставили нагретые лежки, помчались прочь от опасного соседства.

Петровичу интересно, – верно ли он понял раздавшийся шум. Может быть, это и не косули вовсе, – а кто-нибудь другой? Держа двустволку наготове, сходит с тропы, вглядывается в полумрак, осторожно, стараясь не шуметь, идет по направлению услышанных звуков. Впереди стеной чернеет кустарник.

– Нет, – думает Петрович, – еще слишком темно. Ничего я здесь не увижу. Но продолжает идти, раздвигает локтем кусты, протискивается через них, выходит на небольшую, скрытую кустами полянку. На дальнем ее краю, на снегу виднеются два черных овальных пятна.

– Так вот где вы ночевали, – удовлетворенно бормочет, улыбается Петрович. Ставит оружие на предохранитель, закидывает на спину, уже без опаски шагает к лежкам. Присев на корточки внимательно рассматривает «косулины постели», шупает их ладонью. Снег про-

таял здесь до самой земли. Жухлая прошлогодняя трава примята и отдает теплом. Снеговые края ложа покрыты тонкой, еще влажной ледяной корочкой.

Петрович встает, оглядывает поляну. Видит: рядом с лежками – катышки козьего помета, вся поляна испещрена козыми следами, обгрызаны самые тонкие, сладкие веточки кустарника по окраине поляны, снег изрыт копытами.

– Еще и кормились здесь. – Петрович, ловит себя на мысли, что вот различимы уже и веточки кустарника. Смотрит на небо. Светает. Нужно торопиться. Возвращается к тропе, и уже не отвлекаясь ни на что, торопливо шагает в глубину леса.

*

Чита хоть и областной центр, но городишко, в общем-то, небольшой, с трех сторон окруженный залесенными сопками. Только со стороны аэропорта открывается широкая плоская равнина. Лес подступает к городу почти вплотную, и зимой, когда люди заходят в лес относительно редко, лесные обитатели смелеют, – выходят на самые городские окраины.

Заедет, бывало, Петрович зимой на свой дачный участок на берегу Ингоды за пригородным поселком Антипиха, а он весь истоптан косулями, испещрен заячьими следами. Да и чему удивляться, – за замерзшей Ингодой, метрах в двухстах начинается лес, в котором зимой люди почти не появляются. Разве что вот такие, как он сам.

А леса пригородные обитателями не бедны. Живут там косули и зайцы, колонок, горностаи и ласка, белка – в изобилии. Подходит, порой, к окраине леса благородный изюбрь, – краса и гордость местных лесов. Заехал однажды Петрович с семьей на своих «жигулях» в глубину леса в поиске грибов. Остановился на поляне. Оставил домочадцев в машине, а сам решил быстренько пробежаться округе, посмотреть, – есть ли грибы. Так вот пока он ходил, выбрел на поляну олененок. С любопытством стал разглядывать неведомое чудо. Затаившиеся в машине жена Петровича и ребятишки имели при этом возможность рассмотреть молодого красавца. Тот сиганул в лес, лишь услышав шаги подхлотившего Петровича.

Встречается лисица и рысь, водится росомаха. И что самое удивительное, – возле самого города водится в лесу соболь. Петрович долго не верил в это, считал, что все это охотничьи байки, пока однажды ему не подфартило. Но это уже особая история.

Водятся в лесу и медведи, – и не так далеко. Однажды летом километрах в четырех от города увидел Петрович на берегу лесного ручья отпечатки медвежьих лап с огромными когтищами, поневоле заглядывался по сторонам. Но бог миловал, – не встретились.

Другой раз с семьей ездил он по бруснику. Это, правда, подальше, – километров за десять. Так вот наткнулись они там на объявление, укрепленное на сосне перед лесной поляной. Размашистыми буквами на фанерке было начертано: «Граждане, будьте осторожны! В этом районе бродит раненый медведь». И подпись, – «Областная охотинспекция».

Трухнули, конечно, – ведь и оружия с собой не было. Но был фотоаппарат. Уж очень привлекательный сюжет. Быстренько сфотографировались на фоне сосны с объявлением, в машину, и – подальше от греха!

Сейчас, – много лет спустя, порой разглядывает Петрович этот снимок, – живое свидетельство «таежной храбрости» своего семейства. Напряженные лица жены и ребятишек, хорошо различимые слова объявления: «...будьте осторожны! В этом районе бродит раненый медведь». Счастливые времена ушедшей молодости!

А из пернатых водятся в окрестных лесах и глухари и тетерева, ну и, само-собой, – рябчики. Этих, можно сказать, – полон лес. Есть, наверное, и волки, как же без них. Правда, волков Петрович в лесу не встречал. А по следам разобраться трудно, – он в этом деле еще не профессор, волчьи следы от собачьих отличить не может.

Дело в том, что городские бездомные собаки тоже не прочь поохотиться в зимнем лесу. Собираются в стаи и шныряют по лесу, – гоняют зайца. А если выйдут на охотничий путик, то

можете быть уверены, – повытрясут добычу и из капканов и из петель. Тоже, впрочем, не без риска, – бывали случаи, и не редко, когда и сами попадали в петли.

Для охотника встреча в глухом лесу с такой одичавшей собачьей стаей небезопасна, может быть даже опаснее, чем встреча с волками. Особенно, – если собаки крупные. Они к человеку привычные, человеческие повадки им знакомы, они сильно-то его не боятся, особенно, если в стае. Их не испугаешь ни красными флажками, ни, даже горящей головешкой, – огонь они тоже видели в своей жизни не раз. Здесь спасение только в ружье.

Опасается Петрович еще и другой напасти. Не лишена охотничьего азарта еще одна категория жителей городских окраин, – вездесущие пацаны. Их тоже, несмотря на стужу, гонит в лес любопытство, охотничья страсть, а порою и нехороший меркантильный интерес. Они тоже собираются в маленькие ватажки, – человека по три-четыре, и идут в лес. Нет у них ни ружей, ни, чаще всего, даже и родительского разрешения на такой поход. Но кое-какая охотничья снасть имеется, – чаще всего – петли.

Наготовить петель для них, – раз плюнуть. Раздобудут где-нибудь старую автомобильную крышку от грузовика, прикатят ее на опушку леса подальше от родительских глаз, разведут костер и туда ее. Пока выгорает резина и тканевый корд, распространяя вокруг копоть и зловоние, суетятся пацаны у костра, поддерживают огонь, помогают палками поскорее прогореть резине. А сгорит крышка и вот вам, – лежит на костре целая бухта отличной мягкой отожженной проволоки – металлический колесный корд. Материал самый подходящий для заячьих петель, дай только остыть.

В ватажке непременно есть вожак, заводила, – этакий деловой и смелый сибирячек, разбирающийся уже и в звериных следах, и в приемах охоты. Обычно – сынок какого-нибудь охотника, не раз уже бывавший с отцом в лесу. У него вон и бокорезы в кармане, – из отцовского инструмента. Кажется, теперь только отмеряй куски проволоки на размах рук, откусывай, да крути петли.

Ан нет, знает уже заводила, что в такую петлю из прокопченной вонючей проволоки заяц не сунется, – за версту учует. И потому посылает своих товарищей с длинными кусками проволоки к ближайшей березе, чтобы они потерли ее о ствол лесины, стерли копоть, перебили запах горелого металла лесным запахом. Те беспрекословно выполняют указания знатока, – пыхтят, стараются. Лишь только после этого показывает им заводила, как крутить петли.

Через пару часов грязные и прокопченные, как черти, но довольные, даже, можно сказать, – счастливые, возвращаются чада к родительским домам, прячут по углам петли, придумывают, как оправдаться перед матерями за испачканную одежду. А ведь надо еще на завтра харч добыть.

А утром, не слишком, конечно, рано отправляются ребята в лес ставить петли. Идут гуськом, – тоже натаптывают свой путик. Само по себе все это и не плохо: пусть себе ребята привыкают к лесу, закаляются на сибирском морозе, познают природу. Смотришь, и в самом деле, попадется зайчишка в их петли, – тогда вообще полное счастье.

Плохо только, что петель своих они обычно не снимают. Или позабудут, где поставили, или потеряют путик свой из-за обильного снегопада. А то и просто потеряют интерес к такому времяпрепровождению, особенно, если удачи нет. Остаются их петли в лесу на всю зиму, уходят в лето. Попадают в них лесные зверюшки и пропадают зря. Настоящий охотник так не поступает. Он непременно снимет свои петли в конце сезона.

И не дай бог, когда такая ребячья ватажка наткнется в лесу на чужой охотничий путик. Ничто не удержит их от соблазна пройтись по нему. И тут уж, – пиши пропало и добыче, и охотничьим снастям. Петли, может быть, еще и оставят, если в них нет добычи, а вот капканы – соберут непременно. По этой-то причине и остерегался Петрович ребячьих охотничьих ватажек.

Таёжная баня

Уже три недели отряд в тайге. Мы – геологи. Даже не просто геологи, а группа научных сотрудников отдела горноразведочных работ Забайкальского научно-исследовательского института. На полевых, так сказать, работах.

Лагерь разместился на поляне среди девственного леса возле говорливого ручья, или ключа, как чаще говорят здесь, – в Забайкалье. На краю поляны – просторная десятиместная палатка, перед ней, – метрах в пяти – кострище с рогульками и чурбаками-табуретками, рядом – ведра, котел с алюминиевой посудой, – мисками, кружками, ложками. Чуть в стороне – суточный запас валежника, уже распиленного и порубленного, подготовленного к отправке в костер.

У ключа в тени прибрежных кустов поблескивают две оцинкованные молочные фляги под питьевую воду. За палаткой под сосной – наша беда и выручка, – старенький ГАЗ-69. Вот, пожалуй, и все. Лагерь, как лагерь.

Несмотря на раннее время и настежь распахнутые крылья входа, в палатке душно. Солнце пронизывает тонкое полотно скатов, зайчиками проникает внутрь через противомоскитные сетки раскрытых оконцев. На земле, прикрытой сосновым лапником, пять скомканных спальников, разбросанные свитера, полуразобранные отощавшие рюкзаки. На одном из спальников – выдавшая виды гитара, из-под другого, более или менее заправленного, выглядывает приклад карабина.

У входа в беспорядке – банки тушенки, перловой каши, коробка с остатками крупяных концентратов, диски рыбных консервов. Впрочем, тушёнка и рыбные консервы – это так, на случай спешного маршрутного перехода. Во время стоянок кормились охотой, – не напрасно же у начальника отряда карабин.

Да и харьюзов свежих наловить в таёжных ключах не составляло никакого труда, на удочку или острогой – кому как нравилось

Вдоль стенки палатки – пара лопат, топор, двуручная пила и небольшой запас сухих дров для утренней растопки костра на случай дождливой погоды.

Еще пару дней назад и в палатке и в лагере в целом был образцовый порядок. Петрович, – начальник отряда, – не допускал расхлябанности и неряшливости. Все лежало, висело и стояло по своим местам, спальники были всегда аккуратно заправлены и, избави бог, оставить не помытой посуду, или не запастись к ночи дровами. Но в последние дни, чувствуя, что работы вот-вот будут закончены, отрядники расслабились. Петрович, погруженный в заботы о завершении работ, ничего вокруг не видел. И дисциплинка стала ослабевать. Впрочем, и сейчас дежурный по лагерю вряд ли рискнул бы оставить не помытой посуду.

В отряде пятеро. Самый всегда востребованный, – Володя Дзядок – наш водитель. Вот он лежит под машиной, гремит гаечными ключами, ковыряется в чреве автомобиля, беззлобно в полголоса поругивая своего любимца.

Младший научный сотрудник Гена Пахомов, – добродушный и полнотелый, босиком, в спортивном трико и без рубахи сидит на чурбаке возле кострища, чистит картошку. Он сегодня – дежурный по лагерю. Румяное круглое лицо его блестит от пота, он отмахивается рукой с ножом от налетевшего шершня, испуганно изгибает спину. Гену, как никого другого любит всякая таёжная нечисть, – слепни, оводы, комары и особенно – клещи или «карпишки», как их пренебрежительно называют здесь местные жители.

Он уже пробовал прятаться от этой любви, – натирался едучим диметилфталатом, сутками не вылезал из энцифалитки, стянутой резинкой в запястьях и у пояса, затягивал вязочки над подбородком так, что из-под капюшона выглядывали только глаза, румяные щеки, да нос пуговкой. Но это не помогло.

Мало того, что приходилось терпеть несусветную жару, так ведь клещи все равно находили путь к предмету своей страсти, проползали, видно, через самые малые щелки и с наслаждением впивались в разгоряченное тело. Только лишь за вчерашний день Гена снял с себя трех кровопийц, два из которых уже успели присосаться. Как это ни странно, к другим эта нечисть особого интереса не проявляла.

Сегодня, пользуясь своим положением сидельца в лагере, Гена решил дать отдых измученному телу. Ходил по пояс оголенный, правда, время от времени, обеспокоенный одному ему известными симптомами, рысью бежал к сосне на краю поляны, где было подвешено небольшое зеркало, и, изворачиваясь во все стороны, оглядывал в него свои бока и спину. Порою даже приспускал трико и заголял незагорелый зад, чем доводил до жеребьячьего ржання лежавшего под машиной Володю.

Начальник отряда Владимир Петрович, или просто Петрович, как его за глаза называли коллеги, и зав. сектором Алексей Яшкин еще с рассветом, наскоро попив чаю, ушли на штольню. Это основная научная сила отряда. Они оба кандидаты технических наук, доки в своем деле.

Петрович в Забайкалье уже двенадцатый год, немало изъездил и исходил по этой земле, страстный охотник и рыболов. Алексей, напротив, – только недавно по его приглашению приехал из Свердловска, где они вместе учились когда-то в горном институте.

Не выдержав ожидания в Чите, он два дня назад явился сюда в отряд, добравшись в эту глухомань на вахтовке с рабочими-проходчиками. Для него, – недавнего жителя большого города, обстановка, в которую он попал, полна экзотики, новых неожиданных впечатлений. Впрочем, по всему видно, что и новая обстановка и новые коллеги ему по душе.

В полукилометре от лагеря геологическая партия ведет проходку разведочной штольни и задача Петровича с его отрядом состоит в том, чтобы помочь проходчикам отработать параметры новой более совершенной технологии буро-взрывных работ, – так называемого, контурного взрывания.

*

Предложение Петровича устроить баню было встречено в лагере с восторгом. Трудно даже сказать, чему больше обрадовались ребята: завершению ли работ и скорому возвращению домой, или предстоящей бане.

Их можно было понять, – ведь уже три недели, как не видели они ни бани, ни горячей ванны, ни, даже, тёпленького душа. И все три недели на адской жаре, под солнцем, таежным гнусом, в пропотевшей, чуть ли не колом стоявшей одежде.

Нет, конечно, время от времени стирали они на скорую руку свою одежду. Ну, как стирали? По мужицки, конечно, то есть – кое-как! Мыли головы хозяйственным мылом, поливаясь из котелка. Пробовали даже сделать купальню, расширив и углубив ручей.

Но такое купание даже в большую жару мало кто выдерживал, – только Петрович вот, да Игорь Голощапов, – уж больно студеная вода. Окунуться в ключ, чтобы освежиться, конечно, перепробовали все, в том числе и недавно прибывший Алексей. Но и только. Там, в этой купальне не полежишь, не понежишься, – враз задубеешь от холода.

Другое дело Петрович, – он вообще человек особый, часто удивлявший коллег своими повадками. Он уже не молод, во всяком случае, значительно старше всех остальных своих товарищей по отряду, ему лет 45—47. Среднего роста и крепкого сложения, носит небольшую бороду, уже серебриющуюся проседью, и короткую стрижку. Ему не раз говорили, что он похож на Хемингуэя, – весьма модного в те годы писателя.

Встает Петрович каждое утро в шесть часов. Просыпается безо всяких будильников и всегда в одно и то же время. Порою даже сам удивляется, плюс—минус, говорит, – пять минут. У меня, – говорит, – видимо, где-то внутри персональный биологический будильник встроен.

У него и спальник-то особенный, в нем долго не поспишь. У всех ребят спальники обычные, – ватные, толстые; они в скатанном виде сантиметров 40—50 в диаметре. А у Петровича спальник из фильтроткани – мягкой такой, белоснежной, тонкой пористой ткани, толщиной миллиметра в 2—3. Словом, пижонский спальник. Ему подарили этот спальник его друзья из ПВС Дарасунского рудника. ПВС – это пыле-вентиляционная служба. Они там эту фильтроткань используют в вентиляционных системах для пылеулавливания.

Так вот спальник Петровича в скатанном виде – не больше тубуса чертежного, ну разве что чуть-чуть побольше. Он и носит то его, скатанным на манер солдатской шинели, поверх рюкзака, – обещающей такой.

Утром встанет Петрович и сразу, босиком и в плавках, рысью к ручью. Дождь, не дождь, ветер, не ветер, – не имеет значения. Лицо ополоснёт в ключе и непременно зарядка, – приседания, отжимание от земли, подтягивание на перекладине, – вон она сделана на скорую руку меж двух сосен из обрезка трубы на три четверти дюйма, – притащил, видно, со штольни.

Поразмахивает руками, покрутит корпусом. Потом, – отжимание двумя руками того самого валуна, что раскаленным лежит сейчас в костре. И под занавес – водные процедуры. Подхватит ведро, плавки – на прибрежные кусты, залезет голышом в ключ, и давай черпать из него и поливать себя студеной водой.

И уж после растирания махровым полотенцем начинается настоящее умывание, чистка зубов, бритье и все прочее. Кстати, и подбривается-то Петрович старорежимной, уже давно вышедшей из моды, опасной бритвой, с каким-то мудреным иноземным клеймом. И в зеркало не смотрится, – многолетняя привычка сделала это ненужным.

Ребята сквозь сон слышат, как плещется вода, крикает и охает Петрович. От этих звуков кутаются под одеяла, залезают поглубже в спальники.

*

Были у Петровича еще и другие особенности. Возил он всегда с собой полевую сумку. Нет, не серо-черную, дермантиновую, какие носили с в те годы совхозные бригадиры и прорабы на стройках, пряча в них от непогоды замусоленные тетрадки с записью объемов выполненных работ и отработанных трудодней, разного рода акты и справки. А настоящую, – офицерскую, пахнущую хорошо выделанной кожей.

Она была в несколько отделений, с блестящими застежками и откидным клапаном, где за целлулоидным окошком, прикрытым мягкой темно-синей фланелькой, лежала у него карта того района, где проводились полевые работы, а на другой стороне – в кожаных гнездах, торчали шариковая авторучка, несколько хорошо заточенных карандашей и был пристегнут компас.

Сумку эту подарил Петровичу его отец – бывший кадровый военный и фронтовик. В ней он хранил свой личный дневник, фотографии жены и детей и толстенную книжку, которую урывками читал, делая при этом какие-то выписки. Книга называлась «История Сибири».

Вечерами, когда ребята уже спали, ставил Петрович возле изголовья своего спальника «летучую мышь», доставал заветную тетрадку и что-то в ней записывал, останавливаясь иногда и надолго задумываясь. Видимо, делился с бессловесной своей подружкой впечатлениями минувшего дня. Или извлекал свою «Историю Сибири» и погружался в ее изучение.

*

Когда Петрович с Алексеем вернулись в лагерь, там, что называется, уже дым стоял коромыслом. Посреди поляны жарко горел огромный костер, среди тлеющих поленьев светились багрянцем два раскаленных валуна. Крутым ключом кипела вода в прислоненном к ним ведре. Стоявшие возле костра оцинкованные фляги тоже струились паром.

Игорь заканчивал установку большой палатки на берегу ключа. Она уже была растянута, и сейчас, орудуя сапёрной лопаткой, он подсыпал землю и настилал дерн по периметру ее основания.

Гена, тоже с лопатой в руках, стоя по колено в холодной воде, углублял и расширял копанку в русле ручья.

Игорь Голощанов, орудуя совковой лопатой и время от времени прикрывая лицо от пышущего жаром валуна, перекатил его в палатку возле ручья. Увидев эту завершающую операцию, все оставили свои дела, снимали и побросали на кусты одежку, гольшом один за другим скрылись в уже прогретой палатке. Тщательно застегнули вход, кто-то бросил к раскалённому валуну раскрытую баночку вьетнамского бальзама «Золотая звезда».

Увидев, что Игорь ухватил брезентовыми перчатками ведро с водой, все шарахнулись в стороны, а он, стараясь не подходить близко к раскалённому валуну, плеснул на него из ведра и тоже отпрянул в сторону.

Раздался оглушительный треск, волна горячего пара, перехватив дыхание, хлестанула по обнажённым телам. Горячее туманное облако в одно мгновение наполнило палатку, заставив её судорожно вздуться. Через дымоходное отверстие наверху взмыла к небу струя пара.

Священнодействие началось

Фарт

Для геологов НИИ конец зимы в смысле занятости – самое благодатное время. Напряженной у них всегда бывает осень, когда, вернувшись с полевых работ, они приступают к камеральной обработке материалов, исследованию привезенных проб, написанию отчетов и разного рода заключений. Все тогда «пашут до седьмого пота», не считаясь ни с праздниками, ни с выходными.

Другое дело – январь, и особенно февраль. Отчеты по работам минувшего года написаны и защищены на Ученом Совете, определена тематика и открыто финансирование на новый год, до начала полевых работ еще далеко, – особых забот нет. Сказать, что совсем уж нет никаких забот, было бы неверным, – это время разработки планов работ, подготовки и подачи заявок на новый полевой сезон. Но здесь все делается по уже проторенному пути и потому особого напряжения не требуется.

Распорядок работы в эти месяцы вполне соответствует трудовому кодексу, – «от сих до сих». Более того, сотрудники порой даже переступают черту закона, сражаясь в рабочее время в шахматы или бадминтон на тесноватом коридорном пятачке у лестничной площадки. Руководство, понятное дело, этого не одобряет, ворчит. Впрочем, не очень, поскольку знает, что все это в полной мере компенсируется напряжением полевого сезона и осенней страдой. А в «межсезонье» в свободное время каждый занимался тем, что любил. Я выходные свои дни, – субботу и воскресенье посвящал охоте.

Поднимался затемно, – часов в пять, осторожно, на цыпочках, чтобы не потревожить жену и ребятишек, шел в ванную, наскоро умывался, обтирался по пояс холодной водой, торопливо пил чай и, прихватив с вечера заготовленное снаряжение и «тормозок», уходил из дома.

Шел, не торопясь, по темным городским улицам, вдыхая морозный воздух, забросив на плечо рюкзак с торчавшей из него разобранной и зачехленной двустволкой. Первый автобус увозил меня за Ингоду, на окраину города. Оттуда уже видно было, как вздымалась вверх поросшая лесом горная гряда. Еще с час скрипел унтами по присыпанной снегом дорожной обочине, пока не подходил, наконец, к черневшему в ночи лесу.

Вот отсюда, с этой опушки и начиналась та сладостная цепь ощущений и впечатлений, ради которых поднимался я в такую рань. Сняв рукавицы и опустив рюкзак на снег, расчехлял, собирал и заряжал свою двустволку, рассовывал по карманам запасные патроны. Много патронов я с собой не брал. Знал уже по опыту, что если попусту их не жечь, то за целый день хождения по лесу удастся выстрелить лишь раза три-четыре, иногда – и того меньше. Поэтому брал с собой зарядов пять-шесть, – по два со средней и крупной дробью и один-два с пулей, – так, на всякий случай.

В тот памятный день, – уже на исходе февраля, пошел я в лес не один, – с сыном Артемом. Ему тогда было лет пятнадцать, он учился в горном техникуме, и когда была тому возможность, я тянул его в лес, стараясь привить ему чувство любви к природе. Мы с ним ходили по окрестным лесам уже не раз, и даже лазили на знаменитый среди читинских жителей «Чертов пик», что возвышается на правом берегу Ингоды у начала дороги на Молоковку.

Со мной, как всегда, была ижевская двухстволка-вертикалка 12-го калибра, у Артема – тульская длинноствольная 16-го калибра курковка, приобретенная мною еще в студенческие годы. Не могу сказать, что нам с Артемом по-охотничьи везло. Видимо, своим шумным появлением в лесу мы разгоняли лесных жителей, которые наблюдали за нами издали из укрытия. Правда, взяли однажды зайца в петле, но сами понимаете, – что это за добыча.

Так было и в этот раз. Мы прошли с ним по всему путику (путик – охотничья тропа с установленными на ней ловушками), но добычи нигде не было. Где-то колонки ухитрились взять приманку, а капкан не сработал, а где и капкан сработал, но ни приманки, ни добычи

не было, – капкан был пуст, а вокруг – птичьи следы, – по всей вероятности – сойки. Было и так, что никто к капкану вообще не подходил, – никаких следов.

Особую заботу представляли сойки. Говорят, что сороки, увидев в лесу человека, растрезвонят об этом по всему лесу. Это так. Но хуже того сойки, – птицы размером с галку с ярким оперением, небольшим широким хохолком на голове и довольно длинным хвостом. Цвет туловища у них рыжевато-коричневый, голова – рыжая, крылья, хвост и верх головы – черный, надхвостье белое, перья на плечах – ярко-голубые с узкими черными полосками. Одним словом, – красивая птичка.

Сойка – птица любопытная и наглая, как танк. Чуть только увидит человека, начинает оглашать лес своим резким, неприятным «дчэ-э-э – джэ-э-э», дребезжащим «пир-р-р-рь». При этом о появлении человека она своим скрипучим голосом давала знак лесным обитателям гораздо раньше, чем её увидит сам человек. Впрочем, охотники рассказывают, что сойка способна подражать даже звукам человеческого голоса и стуку топора, умудряется имитировать звук работающей бензопилы.

Птица эта вороватая и считается одним из самых опасных врагов мелких птиц. Она разоряет гнёзда, выпивает и крадет яйца, уносит птенцов, нападает даже на взрослых птиц и млекопитающих, которых в состоянии одолеть. В её рационе есть и растительная пища и животная, в том числе и падаль. И это еще не все. Она имеет нехорошую привычку преследовать человека, внимательно присматриваясь к тому, чем он занимается в лесу. А когда он уйдет, еще и подлетит к тому месту, чтобы проверить, что он там делал. Зануда, одним словом.

Вот и в этот раз привязалась к нам сойка и преследовала, не отступая, время от времени оглашая лес своим противным криком. Не успели мы отойти от капкана и на сотню шагов, как, оглянувшись, увидели, – она уже шарится возле того места. Пришлось вернуться. Сойка, заметив наше возвращение, отлетела метров на тридцать и уселась на сосне. Прижав что-то лапой к ветке, но которой сидела, требушила это клювом, как мне показалось, ехидно поглядывая на нас. Приманки возле капкана уже не было.

– Ну, зануда! – невольно вырвалось у меня.

– Пап, дай я её сниму, – загорелся Артем, снимая ружье с плеча.

– Жалко, птица-то красивая, хоть и нахалуга, – ответил я, рассматривая хорошо различимые даже с такого расстояния ярко-голубые пятна на её плечах. – Давай так, пальни вон по той сосновой лапе, что над ней, – со снегом. Дай ей знать, что мы и там её достать сможем. Может, испугается, – отстанет.

Грохнул выстрел, отразившись несколько раз затихающим эхом от окружающих сопок. Сосновая лапа над сойкой дрогнула, сбросив с себя снег. Сойка, уронив что-то из под лапы, вспорхнула с ветки, полетела в глубину леса.

– Ну, слава Богу, кажется, отвязалась.

Поправили капкан, подложили новую приманку, припорошили снегом, – пошли дальше. Надо сказать, что установку ловушек я отмечал в своей полевой тетрадке. Можно меня понять: пройдет большой снегопад, – не найдешь ни путика, ни капканов. Поэтому я рисовал в тетрадке абрисы с ориентирами, поворотами путика, указанием примерного расстояния между ними, ну и, понятное дело, – где установлены капканы.

В одном из них взяли все же колоночка. Небольшой колонок, – видимо самочка. Я ловил их, снимая и выделывая шкурки, в намерении отослать их дочери, которая, окончив Днепропетровский горный институт, работала на Донбассе. Пусть, думал я, хоть шапчонку какую себе изладит, – все не попусту отец в лес ходил. Там такой зверек, должно быть, не водится, – эксклюзивная будет вещь.

Дело уже клонило к вечеру, мы основательно устали, Артем взмолился:

– Пап, ну дай я постреляю.

Я в принципе не возражал. Как было не понять пацана, – целый день при оружии, патронов навалом, что же, так и тащить все это обратно домой? Порою мне и самому не терпелось пострелять хотя бы и по пустой консервной банке, раз уж не было никакой другой цели.

Но не подумайте, что лес был такой уж безжизненный. Стоило неделку постоять беснежной погоде, как вся поверхность сопков покрывалась множеством следов обитателей леса. Было видно, что здесь в изобилии водятся и косули, и кабарожка, лисы и зайцы, колонок и белка. Встречаются порой, правда, редко, следы оленей-изюбрей. О птицах уж я не говорю. Но не стрелять же поползней и синичек, тем более в красавца зеленого дятла, – они человека практически не боялись. А глухаря, тетерева – попробуй-ка, разыщи. Во-первых, места нужно знать, а во-вторых, они не хуже косули чувят охотника, да и вообще человека в лесу, и не склонны испытывать судьбу.

– Ну, не по деревьям же стрелять, – убавил я прыти Артему. – Метрах в ста впереди каменная россыпь, – курумник. Там среди камней пищухи водятся. Вот там и постреляешь, – как ни говори, а живая, движущаяся цель.

Эти пищухи не представляли собой никакой промысловой ценности. Шкурки и них слабые, мех не привлекательный. Мне их было не жалко. При первой встрече с ними я принял их за крыс. Во-первых, потому, что они были серыми и близкими к ним по размерам, а во-вторых, увидел я сразу несколько особей, сновавших среди камней, и это тоже как-то ассоциировалось с крысиной стаей. Впрочем, я тогда увидел их издалека, и рассмотреть, как следует, не успел, – они, увидев меня, сразу же попрятались.

Я сунул в карман свою тетрадку со схемой маршрута, подумал, – дело все равно идет к завершению нашей вылазки, – пусть шумит, стреляет, душу отводит. А я посмотрю, насколько он меток. О том, что мы увидим пищух, я не сомневался. Надо только притаиться, где-нибудь за деревом; они долго не выдержат, – обязательно вылезут посидеть под последними лучами солнца, оглядеться по сторонам.

Вышли к курумнику. Здесь на площади квадратов в четыреста расстилалось, подобно озеру россыпь остроугольных каменных глыб. Меня и поныне не вполне понятно происхождение этих каменных полей. Специалисты-исследователи пишут, что их образование вызвано попаданием воды в трещины и последующим их многократным расширением при зимнем замерзании. Поскольку де этот процесс продолжается тысячелетиями, вот, мол, и образуется такой ландшафт.

Может быть и так. Только, думаю я, за эти тысячелетия ветрами должно было надуть, нанести меж этих камней столько пыли, всяких органических остатков, семян тех же одуванчиков и не только, что там давно должна была вырастать не только трава, но и могучие деревья. Так ведь нет, – голые безжизненные глыбы, будто образовались неделю назад. Идти через такой курумник – мученический труд с реальным риском сломать или подвернуть себе ногу.

Я в своих хождениях по лесу вышел однажды на курумник, напоминавший каменную реку. Шириной он был метров в сто, зато простирался в обе стороны, – насколько можно было охватить взглядом. Недолго думая, полез в камни, рассчитывая, что минут через пятнадцать переберусь на другую сторону. Не тут-то было. Пришлось переползать, прижавшись пузом, каждую глыбину, еще и опасаясь, как бы нога не попала в какую расщелину. Добрался до середины часа за полтора, при этом вымотался до последнего, – хоть «мама» кричи.

Подобное ощущение я испытал лишь однажды, когда вздумал переплыть обскую протоку. Почувствовал тогда, что сил уже нет, а до берега еще далеко. Выплыл только на упрямстве и самовнушении. Вот и здесь подобное, правда, полегче, – все же посуху. Выбрался, конечно. С трясущимися руками и ногами вышел к опушке леса. Было уже не до охоты, и не до добычи. Сориентировался и затрусил к дому. С тех пор к курумникам я стал относиться настороженно, – старался обходить их стороной.

*

Мы притаились за деревьями неподалеку от края курумника в ожидании. Артем держал в руках направленное в сторону курумника ружье. Минут пять было тихо, потом послышался свист, и над одним из камней, забавно опираясь на него передними лапками, показалась пищуха.

Прогремел выстрел, подняв с деревьев стаю неведомо откуда взявшихся здесь ворон. Видно было, как дробь ширкнула по поверхности камня, подняв облачко снежной пыли. Пищуха дернулась и безжизненным комочком скатилась к основанию каменной глыбы. Мы подошли, подняли зверька с земли.

Теперь можно было рассмотреть его как следует. В этот раз он показался мне довольно симпатичным. Небольшой зверушка размером с колонка, даже, пожалуй, покрупнее. Мордочка его ничуть не была похожа на крысиную. Скорее он был похож на маленького кролика, зайца или комнатную собачку, только уши не такие, – круглые. И потом у пищухи совсем не видно было хвоста. Зоологи не напрасно по внешнему виду сравнивают пищуху с хомячком. К тому же она, как я узнал позже, чистая вегетарианка, – питается травой, на зиму готовит запасы сена, предварительно его высушив. При этом, пишут исследователи, подворовывает сенцо у других менее осмотрительных сородичей. За эту хозяйственную склонность пищуху еще называют сеноставкой.

– Напрасно ни за что – ни про что сгубили зверька, – подумал я с сожалением.

Пока Артем рассматривал пищуху, я огляделся по сторонам, увидел в нескольких местах вдоль края курумника пересекающиеся следы колонка. Прошелся по следу, пытаюсь разобраться, что его здесь привлекло, но так ничего и не понял. Только удивился крупности отпечатков. Матерый, должно быть, колонок, – подумал я.

– Слушай-ка, Артем, – обратился я к сыну, – смотри, сколько здесь следов колонковых. Да крупные-то какие! Раз уж случилось такое дело, – сгубили зверька, – давай поставим здесь где-нибудь капкан со свежей наживкой. Вон она толстущка какая. Может, позарится колонок? – Артем не возражал.

Выбрали место возле сосенки, где стояли подобно двухскатной крыше, опираясь друг на друга, два плоских камня. Подобрали палку-сухостоину, веревочкой плотно примотали к ней пищуху. Нашелся в рюкзаке и запасной капканчик. Закрепили его отожженной проволокой, приготовленной для заячьей петли, к той же палке рядом с тушкой. Сунули все это под каменную крышу, насторожили капкан, конец цепочки закрепили в основании стоявшей рядом сосенки. Припорошили все снегом, замели, насколько это было возможно, собственные следы.

Пока всем этим занимались, стало смеркаться. Торопливо собрались и двинулись к дому. Отметить в своей тетрадке установленный капкан я так и не удосужился, – то ли пожалел для этого времени в наступающих сумерках, то ли попросту забыл в суматохе последних действий. Домой мы с Артёмом вернулись уже затемно.

*

В следующую субботу проверять капканы я отправился один. Артем чем-то был занят. Да я и сам не намерен был привлекать его к этому делу. Еще в ночь занепогодило, запуржило. Сырой пронизывающий ветер трепал деревья. Тот, кто жил в Забайкалье, знает, каким бывает там конец февраля. Не хватало еще простудить парня, – думал я. Тем не менее, капканы нужно было проверить, и я пошел в эту круговерть.

Опустив «уши» своей рассомашьей шапки и подняв воротник, шел по обочине дороги к лесу, мысленно проклиная свое увлечение. Когда зашел, наконец, в лес, – немного полегчало. Ружье расчехлять не стал, двинулся сразу к началу путика. Нужно было проверить капканы, и домой, – к теплу.

Как и в прошлый раз, путь ничем меня не обрадовал. Более того, я сбивался с пути, поскольку тропу мою занесло, приходилось то и дело заглядывать в мою полевую тетрадку, чтобы выйти к капканам, руководствуясь ориентирами. Но капканы были пусты. Правда

в одном месте я все же испытал мстительное чувство радости, – возле сработавшего капкана валялась с разможенной головой сойка.

– Допрыгалась, – невольно воскликнул я с полным, не скрою, удовлетворением. Она, видимо, попыталась склонуть приманку, лежавшую на пяточке капкана, ну а он, понятное дело, эмоциями не обладал, – красивая она птичка, или нет, – шелкнул и разможил ей голову.

Что мне оставалось делать с замороженной тушкой. Порвал её на куски, часть оставил в качестве приманки у этого капкана, остальное забрал для других. Не рябчик, конечно, но колонок и этим не побрезгует. Пошел дальше. Вышел к концу путика, убедился, что и в последнем капкане ничего нет, сунул тетрадку в карман, заторопился к дому. Ну что же, – утешал я себя, – бывает.

Прошел, наверное, уже с километр, как вдруг обожгла мысль, – мы же ведь там, у курумника еще один капкан поставили. Только охотник может сказать, какие при этом появляются в голове мысли. Ну конечно, – сразу рисуется картина, что именно там, в этом самом капкане и сидит сейчас заветная добыча. От этой назойливой мысли просто так не избавишься. Я развернулся и зашагал сквозь снежную круговерть обратно, – к курумнику.

Подошел, заглянул под каменную «крышу». Там поверх выбитого в земле пятна уже припорошенного снегом, лежала замерзшая черная кошка. Она-то откуда здесь взялась, – опешил я. Впрочем, – появилась мысль, – недалеко за Ингодой дачи, мало ли что могло заставить её забрести в лес. Отцепил цепочку капкана, закрепленную у основания сосны, вытащил, перевернул «кошку» вместе с палкой-сухостоиной, и ахнул.

Передо мной лежал великолепный соболь с симпатичной мордочкой, круглыми ушками, черными бусинками глаз, правда уже утратившими свой живой блеск, и ярким желто-оранжевым пятном под горлом. Серенькое его брюшко отсвечивало голубизной, спина, бока и пышный хвост отливали смолисто-черным шелковистым блеском. По всей поверхности собольей шубки серебрились равномерно разбросанные ярко белые сединки. Можно ли рассказать о такой красоте. В полной мере понять драгоценность добычи мог только человек, который сам увидел зверька, собственной рукой ощутил шелковистость и тепло собольего меха.

Я в этом деле был новичок, – малоопытный охотник-любитель, но я уже успел немало прочитать об охоте, и не мог не понять, что передо мной – настоящий баргузинский соболь, – наиболее редкая и драгоценная его разновидность. Мелькнула, конечно, мысль, что лицензии-то у меня на отлов соболя нет, – стало быть, добыт он по-браконьерски. Но не нести же его теперь в охотинспекцию, – резонно подумал я, – перемелется.

Забыв о непогоде, стал поспешно освобождать защемленную капканом лапу зверька. От пищухи, конечно, уже и следа не осталось, да и сама палка, к которой она была привязана, была изгрызана почти наполовину.

Раскрыв челюсти капкана, закинул его в рюкзак, туда же бережно уложил соболя. Не задерживаясь, двинулся к дому. Идти два часа среди снежной круговерти по пустынной дороге к городу, потом ехать на автобусе, а в завершение всего еще и шагать через полгорода по улицам не хотелось. Решил идти самым коротким путем, – через Ингоду к электричке.

Чуть ли не кубарем скатился с хребта к началу Молоковской дороги, вышел к Ингоде. Река здесь была относительно неширокой, – метров десять-пятнадцать. Прибрежная часть русла была заснежена, но середина на всем протяжении подозрительно чернела, будто уже подтаявшая. Я в растерянности остановился. Не хватает еще провалиться.

Сбил ногой смерзшийся кусок земли на берегу, швырнул его на середину реки. Тот упал с глухим стуком, – лед выдержал. Подобрал валявшуюся на берегу жердину, поправил за спиной рюкзак, лег пузом на лед, пополз по-пластунски, толкая жердину перед собой.

Через час я уже стоял перед дверью своей квартиры.

– Что-то ты раненько сегодня, – полувопросом встретила меня жена.

– Так ты посмотри, непогодь-то какая, – ответил я, сбросив на пол рюкзак и снимая унты. Жена, молча, ушла на кухню. Я разделся, развязал рюкзак, достал соболя, встряхнул его, держа «за шкурку». Разморозившийся за теплой моей спиной, пока я ехал в электричке, он висел теперь, распрямившись, во всей своей красоте, переливаясь сверкающим мехом. Я шагнул к кухне, держа соболя в вытянутой руке.

– Ох, неужели соболю? – услышал я восторженное вопрос-восклицание своей супруги. Что-то зазвенело, упав на пол.

*

Утром, чуть свет, я был уже на ногах. Застелив письменный стол тряпицей и запасшись медицинским скальпелем, острым перочинным ножом и бритвенными лезвиями, при свете настольной лампы приступил к снятию шкурки. Снимал чулком. Скальпелем сделал надрез в пасти зверька у соединения губ с деснами, стал осторожно заворачивать шкурку на голову, аккуратно обрезая хрящи под носиком, ушками, возле ресниц. Потом осторожно, без применения ножа, миллиметр за миллиметром стал снимать шкурку с туловища. С лапок шкурку снимал тоже чулком, без надрезов, до самых коготков, которые оставил при шкурке. Медленная, кропотливая работа, требующая большого внимания и осторожности. Артем помогал мне в качестве подмастерья.

Когда приступил к снятию шкурки в области промежности, был немало озабочен неожиданным открытием. Оказалось, что половой член зверька снабжен косточкой. – Вот тебе на! – подумал я, – а это-то зачем? Удовлетворительного ответа на этот вопрос я тогда не нашел.

Пожалуй, больше всего времени потратил я на хвост, боялся испортить эту красоту. Шкурку нужно было аккуратно и ровно разрезать по нижней стороне по всей длине. Наконец, уже поздно вечером работа была завершена. Шкурка снята, тщательно очищена, обезжирена, надета на правилку для просушки. Стали думать, как рационально использовать появившуюся у нас ценность.

– Шапочку мне нужно сделать, – заявила жена, с вожделием разглядывая пушистый хвост.

– Так ведь соболю хоть и большой, а одной шкурки, наверное, недостаточно будет, – усомнился я.

– Ты в этом деле ничего не понимаешь, сейчас так делают: верхушка шапки каракулевая, а вокруг – соболек.

Я действительно ничего не понимал в этих «женских штучках», поэтому мне ничего не оставалось, кроме как согласиться. Других вариантов не было.

В запасе у меня были разные там квасцы и прочая химия, которую я использовал при выделке колонковых шкур. Для их правильного применения нужен был навык, немалый опыт, которым я, увы, ещё не обладал, потому, наверное, и испортил уже пару шкур. С соболем это было недопустимо, и я пару вечеров провел в областной библиотеке, перечитывая разные промысловые книжки и рекомендации бывалых охотников в надежде найти наименее рискованный рецепт выделки.

Попутно старался найти ответ на мучивший меня вопрос об этой самой косточке. Но в охотничьих книжках об этом ничего не было сказано, а чтобы обратиться к специальной литературе биологов-зоологов, нужно было знать, как все это правильно называется, или хотя бы, как называется эта область биологической науки. Всего этого я, конечно, не знал, да и времени для таких поисков не было.

В те годы на телевидении появилась и получила популярность новая телевизионная программа «Что? Где? Когда?». – Ладно, – подумал я, – отправлю-ка я эту косточку знатокам с вопросом: что это такое и для чего нужно? Они ребята начитанные, умные, – пусть лоб морщат.

Что же касается рецепта выделки, то решил взять на вооружение старинную технологию квашения, – классический способ выделки шкур с использованием ржаной муки с добавлением соли, дрожжей и соды, обеспечивающий, как было сказано, высокое качество выделки и большую прочность кожи. Правда, рекомендатели предупреждали, что технология эта весьма трудоемка, к тому же еще и вонючая. Но, подумал я, – это перетерпим, было бы надежно.

Наступила весна, потом пришло лето с многочисленными заботами полевого сезона, – было уже не до соболя. Догадывался, конечно, что жена ищет хорошего мастера, который мог бы исполнить её мечту. Дело было не таким простым, как может показаться сегодня. Мало того, что хотелось найти настоящего мастера-скорняка, проблема состояла еще и в том, что соболь- то добыт незаконно, – можно было и на неприятности налететь.

Шедевр

В начале осени жена как-то сказала мне, что мастер-скорняк, взявшийся за дело, не верит, что шкурка выделана мною – не специалистом, еще и в домашних условиях. Не скрою, мне это было приятно. Тогда же встал вопрос, не смогу ли я сам, или мои друзья выточить из стекла кабошончики, имитирующие глазки соболя.

Такие возможности у меня были, и через неделю я вручил жене пару кабошончиков размером с соболий глаз из черного ереванского обсидиана. Хорошо отполированные, они блестяли, отражая свет изнутри яркими звездочками.

А через месяц, вернувшись домой, я застал жену перед зеркалом, примеряющей шапочку. Она была потрясающе великолепной. Вот ведь говорят, что в каждом деле есть свой мастер. Так вот, это было произведение большого мастера. Трудно сказать, кем был этот мастер-скорняк, – мужчиной или женщиной. Мне казалось, что такой шедевр может создать только человек с тонким пониманием женской психологии. Все было сделано в высшей степени изящно, и все – к месту. Волнистое поле блестящих черных завитков каракулевой смушки, окружено пышным густым мехом соболя. Не видно было ни серого брюшка, ни желто-оранжевого горлового пятна, ни задних лапок, – все это было либо вырезано мастером, либо упрятано во внутреннем слое. Лишь искрящиеся сединой черная спинка, бока и великолепный пушистый хвост, – все в черных тонах. Композицию завершала лежавшая на вытянутых передних лапках головка соболя. Особый шарм изделию придавали немногочисленные тонкие детали переднего плана, – изящные круглые ушки, черная пуговка носа, лапки с крохотными коготками, ярко блестящие отраженным светом бусинки глаз.

Читатели старшего поколения, должно быть, помнят полузабытое слово «горжетка». Так вот шапочка будила воспоминания об этих самых горжетках, столь модных в начале послевоенных 50-х годов. Горжетки были разными, – и тканевыми, и вязаными, но я имею в виду наиболее ценные – меховые горжетки, – небрежно переброшенные в виде шарфа через плечо или шею лисьи, рысьи, песцовые, а то и соболя шкурки. Тоже с хвостами, мордочками и лапками с коготками.

Носить такую прелесть было уделом избранных. Не скажу богатых (Вы, должно быть, знаете, что богатых людей, как и секса в стране советской «не было»). Современное поколение молодежи, наверное, уже и не знает, о чём здесь речь.

Эта фраза, ставшая крылатой, появилась в 1986 году. Её источником послужило высказывание одной из советских участниц телемоста Ленинград – Бостон («Женщины говорят с женщинами»), вышедшего в эфир 17 июля 1986 года.

Телеведущие Владимир Познер и Фил Донахью организовали тогда один из первых советско-американских телемостов. В ходе общения американская участница телемоста задала вопрос:

...У нас в телерекламе все крутится вокруг секса. Есть ли у вас такая телереклама?

Советская участница Людмила Николаевна Иванова (в то время – администратор гостиницы «Ленинград» и представительница общественной организации «Комитет советских женщин») ответила: Ну, секса у нас нет, и мы категорически против этого!

Аудитория рассмеялась, и какая-то из советских участниц уточнила:

– Секс то у нас есть, у нас нет рекламы.

Но в житейский обиход вошла искажённая и вырванная из контекста насмешливая часть фразы: «В СССР секса нет».

*

Однако вернёмся к горжеткам. Рекламы по телевидению в то время действительно не было, но, скажем так, – состоятельных женщин, вернее – жен состоятельных мужчин, – выс-

ших офицеров, именитых артистов, маститых партийных руководителей было предостаточно. Помню во время редких в те годы моих посещений театра этих вальяжных дам, прогуливавшихся по фойе в накинутых на обнаженные плечи горжетках.

Добрый десяток лет носила моя жена эту шапочку, вызывая восхищение тех, кто её видел. У меня же, да и у Артема, наверное, тоже, эта шапочка пробуждала воспоминания о наших блужданиях по тайге в охотничьем азарте, незабываемых впечатлениях того, как говорят завзятые охотники, фартового дня.

Капкан

Первый раз смертельная опасность подстерегла колончиху на втором году ее жизни у старой сосны, что одиноко стоит на опушке леса возле широкой и многоводной Большой реки, – там, где, вырываясь из скальной теснины, в нее с шумом и плеском вливается быстрая и бурная речка Кручина.

Места эти были ей хорошо знакомы и хотя находились они на самом краю ее охотничьих угодий, она довольно часто их посещала, привлекаемая обилием проживающих там грызунов. В многочисленных норках, прорытых между корнями старого дерева, жили здесь мышиполевки, – желанная добыча рыжей охотницы. Пробегая мимо во время дальних своих промысловых походов, она не упускала случая завернуть к старой сосне в надежде перехватить зазевавшуюся полевку или, на худой конец, – обнюхать норки и убедиться, что они все еще обитаемы.

Несколько раз ей повезло здесь, и потому место у старой сосны стало для нее особенно привлекательным. Правда, последняя удачная охота на этой лесной опушке состоялась давно, – в самом начале зимы. Тогда лес, казалось, был полон пищи. Да ее и не нужно было в таком количестве, как сейчас, – в голодном феврале, когда жестокий сорокапятиградусный мороз заставлял колончиху быть в постоянном движении, а лес малоснежный, молчаливый и стылый казался вымершим и чужим.

В то роковое утро колончиха без усталости рыскала по лесу. Уже третьи сутки она не могла добыть ничего такого, чем хоть немного можно было утолить терзающий ее голод. Обострившаяся память оживляла картины тех участков ее угодий, где она когда-то испытала чувство сытости, гнала ее к местам, где в прошлом охота была удачной.

Час назад она выследила пару рябчиков, увлеченно разгребавших снег и что-то склевывавших с мерзлой земли. Сумела незаметно подкрасться к ним, выбрала жертву, – того, что показался ей покрупней, приготовилась к прыжку. Но то ли птицы в последнее мгновение заметили опасность, то ли в ослабевшем теле не стало привычной легкости и ловкости, только прыжок оказался неточным. Ей удалось лишь ухватить взлетающую птицу за хвост. Рябчик ударила ее крылом, вырвался, с шумом и взволнованным пересвистом скрылся за деревьями. В пасти обескураженной неудачей охотницы остались лишь несколько хвостовых перьев. Колончиха выронила на снег перья, источавшие нестерпимо соблазнительный запах, окинула еще раз взглядом поляну, испещренную следами птиц, и нехотя засеменила прочь.

Выскочив на опушку леса, неудачливая охотница бросила мимолетный взгляд на знакомую картину замерзшего русла Большой реки и крупными размеренными прыжками поскокала к одиноко стоявшему вдалеке дереву. По мере приближения к сосне она сначала перешла на мелкую рысь, потом, укрываясь за заснеженным бугорком, стала медленно, крадучись, прижимаясь брюшком к снегу, подбираться к нему вплотную. Снежная поверхность возле сосны была испещрена многократно пересекающимися тропками, источавшими запах желанной добычи. Притаившись за бугорком и вслушиваясь в доносившиеся спереди шорохи, охотница вся напряглась, подобралась, несколько раз беззвучно переступила лапками, выбирая надежную опору для прыжка.

Она четко слышала шорох за бугорком, совсем рядом, – метрах в полутора. Легкий ветерок, тянувший в ее сторону, доносил теплый запах полевки. На мгновение она почувствовала какую-то тревогу, показалось что-то неестественным в окружении, но обостренное чувство голода заглушило все.

Колончиха на секунду замерла, потом резко, как пружина, разогнувшись, бросила свое тело вперед, – на шорох. Увидела два бурых комочка, один из которых метнулся в сторону норы, другой – замешкался. И колончиха, сделав в воздухе немислимый переворот, чуть изме-

нивший направление ее полета, растопырив лапы с выпущенными когтями, со всего маху вцепилась в этот комочек клыками.

Лязгнуло железо. Запоздало отпрянула колончиха в сторону, ощутив вместо мягкой теплоты жертвы стылую твердость замороженной тушки, уловив острый запах металла. Но было уже поздно, – роковая ошибка была совершена.

Расчет охотника, поставившего в этом месте сдвоенный капкан, оказался верным. В одни из них, обсыпанный крупой, еще два дня назад попала полевка. Сородичи погибшей дочиста подобрали остатки крупы, и уже принялись было за соплеменницу. Жертвой второго капкана, замаскированного снегом и стоявшего рядом, и стала неосторожная рыжая охотница.

От неожиданного щелчка капканых челюстей и острой пронизывающей боли в пальцах правой передней лапы колончиха пружиной взметнулась вверх, увлекая за собой ловушку, упала на спину, ощерилась, яростно по-кошачьи зашипела, вцепилась зубами в холодную сталь. Пасть обожгло стылым металлом. Она отпрянула назад, срывая примерзшую к капкану кожу с языка и губ, разбрызгивая по снегу капельки алой крови. Снова рванулась вверх, пытаясь высвободить защемленную лапу, метнулась в сторону, кувыряясь и натягивая цепь капкана...

Так она билась час или полтора, сметая снег с мерзлой земли, перемешивая его с песком и прошлогодними листьями, пока совершенно не выбилась из сил и не свалилась в изнеможении посреди выбитого в снегу бурого пятна. Тогда она затихла, и в глазах ее появилось выражение той острой, безысходной тоски, которое испытывает каждое молодое, полное жизни существо в предчувствии неотвратимой гибели.

Это было хорошо знакомое охотникам выражение глаз тяжелораненого зверя, которое заставляет человека внутренне содрогнуться и у одних вызывает чувство растерянности и запоздалого раскаяния, а других торопит сделать освобождающий от мучений выстрел.

Колончиха лежала брюшком на холодной земле, вытянув вперед зажатую капканом лапу, подобрав под себя левую, по-собачьи положив на землю голову, устремив невидящий взгляд в пространство мимо коряжины, к которой была привязана цепочка капкана. Обессилевшее тело ее начал сковывать мороз. Защемленные пальцы лапы совсем потеряли чувствительность, и она уже не ощущала боли. Казалось, что минуты ее жизни сочтены.

Вдруг, подчиняясь какой-то внутренней силе, она снова ожила, подтянулась к ловушке и, обжигаясь о холодный металл, стала грызть выступающие из челюстей капкана замороженные пальцы своей лапы. Потом, собрав последние силы, рванулась, резко оттолкнувшись от земли тремя здоровыми лапами. Капкан звякнул, и освобожденный зверек по инерции отлетел к самой сосне.

Вскочив, шатаясь из стороны в сторону, то припадая на искалеченную лапу, то поднимая ее и передвигаясь на трех здоровых, неверной вихляющей походкой уходила колончиха прочь от гибельного места. Проковыляв так с полкилометра, она углубилась в чащу леса, среди бурелома замерла, настороженно прислушиваясь. Потом неловко протиснулась под вывороченный корень поверженной ветром сосны, где у нее было запасное гнездо.

Белый колонок

Он впервые увидел мир поздней весной, когда омытая неистовыми грозовыми дождями тайга, будто заново рожденная, пронзительно зазеленела лиственницей и молодым березовым листом, а склоны сопки запылали нежно-розовыми пятнами цветущего багульника.

Старая рыже-бурая колончиха, измученная четырехнедельным добровольным заточением в гнезде, вот уже седьмые сутки как разрешившаяся от бремени, еще раз тщательно обнюхала попискивающих щенят и, волнуясь от острых весенних запахов, доносившихся снаружи, решила, наконец, что пора выводить сосунков из гнезда.

Тихонько урча, она заботливо подталкивала носом крохотные теплые тельца навстречу волнующим запахам. Мать не видела их в темноте, и уж, конечно, не могла их сосчитать, но каким-то особым чутьем ощущала всех их одновременно, и каждого в отдельности, – их тепло, движение, парной запах каждого из девяти копошившихся в темноте щенят. И стоило только кому-нибудь из них хотя бы на несколько мгновений замереть в неподвижности, как колончиха настороженно поднимала голову, прислушивалась, нервно шевелила ноздрями, и успокаивалась лишь услышав, почувствовав движение затихшего щенка.

Старая колончиха тяжело пережила минувшую зиму, необычную даже для этих суровых мест жестокостью морозов, малоснежностью и скудностью пищи. Тем радостнее ей было ощущать запахи весны. Инстинкт подсказывал ей, что трудное время миновало, и впереди много дней, полных света, тепла и корма. От ожидания удачной охоты она чувствовала прилив сил и была необычно возбуждена.

За прошедшие четыре недели она лишь трижды выходила из гнезда на охоту, причем последний раз уже более полутора недель тому назад. Правда, ей удалось тогда поймать крупную зазевавшуюся куропатку, наесться вдоволь, – про запас. Остатки куропатки она затащила в гнездо, и на следующий день еще дважды прикладывалась к ней, пока в кладовой не остались лишь пух, да перья. Но сейчас она была голодна, щенята то и дело тыкались ей в живот холодными носами, и это еще больше усиливало чувство голода.

Колончихе шел седьмой год. Редко какому зверьку ее породы удается прожить такую длинную жизнь. Шестилетний жизненный опыт многому ее научил. Дважды в своей жизни, оба раза в дни жестокой бескормицы, соблазняясь она возможностью утолить голод без выжидания и скрадывания, без погони за жертвой, без яростной борьбы, требовавшей проявления силы, быстроты и ловкости. Оба раза при этом оказывалась на краю гибели, но судьбе было угодно сохранить ей жизнь.

Зато теперь инстинкт, обогащенный жизненным опытом, сделал старую колончиху почти неуязвимой. Даже слабый, чуть уловимый запах металла и человеческих рук будил в ее памяти воспоминания об острой боли, чувстве безысходной тоски и неотвратимости конца. Эти воспоминания помогали ей избегать беды, и ее уже не могли теперь обмануть ни тщательная маскировка капкана, ни соблазнительный запах птичьих перьев и нежного птичьего мяса, смешанный с едва уловимым запахом человека. Вряд ли мог теперь взять её ловушкой даже очень опытный охотник.

*

Гнездо, по которому вела щенят старая колончиха, она нашла еще два года тому назад, но за все это время лишь однажды, да и то ненадолго задержалась в нем во время дальнего охотничьего перехода. А нынче весной впервые воспользовалась им, чтобы вывести здесь потомство.

Гнездо располагалось в глухой чащобе, почти не посещаемой человеком. Главный вход в нору скрывался в тени корневища упавшей старой лиственницы, и был естественно замаскирован мелкими, свисающими над входом корешками с прилипшими к ним комочками земли.

Гнездо было добротное, – сухое, просторное, длиною почти в рост лиственницы, с несколькими тупиками-кладовками, заполненными пером и пухом; с запасным выходом, скрытым каменной россыпью.

Пологий склон сопки, на котором лежала поверженная бурей лиственница, был обращен на северо-восток и потому большую часть суток этот уголок леса был укрыт тенью. Только ранним утром, в такие часы, как сейчас, когда колончиха вела к выходу свое потомство, яркий солнечный свет заливал всю пологую часть склона, зеленевшего молодой травой, бриллиантами вспыхивая в каплях росы, пронизывая насквозь нежно-розовые лепестки цветущего багульника.

Дальше вниз почти до самой реки склон был покрыт густыми зарослями багульника вперемежку с высокими кустами ольхи и белоствольными березами. С частыми, неудобными для ходьбы крупноглыбовыми каменистыми осыпями, делавшими этот участок леса труднодоступным для человека. Внизу склон сопки скалами обрывался в голубое полотно реки и эта неприступность берега, рваный контур гребня скал над рекой, исключавший возможность проложить по берегу тропу, тоже служили гарантией безопасности места обитания старой колончихи.

Человеческая тропа, многие километры выходящая вдоль берега реки, уходила в этом месте далеко в сторону, за каменистые россыпи к вершине сопки. Здесь же почти всегда стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев, да легким шумом водного потока, разворачиваемого скалами.

Река извиистой голубой лентой катилась у подножия сопки, поразительная в своей красоте. Видимо давно и искренне восхитила людей эта красота, если нашли они для реки такое удивительное имя, полное любви и ласки, нежности и скрытой тоски, – Кручина.

*

Два самых малорослых щенка, отчаянно пища и мешая друг другу, замешкались у выхода. Вместе с ними задержалась в гнезде и старая колончиха. Остальные щенки в это время выбрались из норы и пушистыми желто-рыжими комочками рассыпались по небольшой поляне возле коряжины. Они беспомощно тыкались из стороны в сторону, неуклюже лапали друг друга, изумленно тарасились на мир черными бусинками глаз.

Колончиха несколько мгновений ждала, глядя на щенков, копошившихся у выхода. Наконец ей надоела эта возня. Она решительно вытолкнула сосунков из гнезда, торопливо выбралась сама, хозяйским взглядом окинула поляну перед входом и вдруг настороженно замерла. Среди желто-рыжих щенят, сновавших под коряжиной, она увидела веретенообразное тело зверька ослепительно белого цвета.

Она не могла не насторожиться, потому что инстинкт, многолетний жизненный опыт говорил ей, что белый зверек с черным кончиком хвоста, которого человек прозвал горностаем, – враг колонкового племени. Враг хитрый, увертливый и коварный. Не только соперник в охоте, часто нарушающий священный закон о принадлежности охотничьих угодий, не только разбойник, не гнушающийся возможностью безнаказанно залезть в чужое гнездо и разорить уложенные в кладовку припасы, но еще и кровожадный хищник, способный на вероломное нападение.

Из-за меньших по сравнению с колонком размеров и силы горностаев не отваживался нападать на взрослого колонка. Впрочем, изредка случалось и такое. Зато он никогда не щадил молодых колончат, безжалостно расправляясь с ними. А колонковое племя платило за эти разбойничьи повадки ответной враждой, граничащей с ненавистью. Любой горностаев, оказавшийся на территории охотничьих угодий колонка, немедленно подвергался нападению хозяйина угодий. И либо принуждался к бегству, либо уничтожался в яростной бескомпромиссной схватке.

Сейчас, когда старая колончиха увидела среди щенят мелькнувшее тело горностаев, она, подчиняясь материнскому инстинкту, тенью метнулась к врагу, сходу сбила его с ног, прижала

лапой к земле и уже готова была мертвой хваткой вцепиться в шею жертвы, как вдруг какая-то внутренняя сила остановила ее в нерешительности. Колончиха обескураженно вертела головой, приплюсывалась к лежащему под лапой белопуховому комочку, вслушиваясь в писк заволнованных, сновавших вокруг нее щенят. Такой же писк, только более отчаянный, доносился снизу, из под ее лапы, а вместо ненавистного запаха горностая она явственно ощутила запах, свойственный колонку-сосунку.

Колончиха еще раз ткнулась носом в белый пух и окончательно удостоверившись в своей ошибке, убрала лапу, прижимавшую сосунка к земле. Тот вскочил и возмущенно попискивая и как-то по особому по-щенячьи оглядываясь, засеменил прочь.

Полуприсев и недоуменно приподняв искалеченную капканом лапу, колончиха удивленно разглядывала белого питомца, то угрожающе скаля пасть, то беззлобно и недоуменно фыркая, нервно шевелила ноздрями, снова и снова втягивая носом привычные запахи своего потомства.

Беленок действительно был похож на горностая, правда, он был значительно меньше взрослого зверька этой породы, зато заметно крупнее своих сестер и братьев. Позабыв обиду, он безмятежно кувыркался в траве, довольно успешно отбиваясь от двух нападавших на него жёлтошерстных братьев. Мать не могла не заметить, что его хвостик, отчаянно болтавшийся под навалившимися на него братьями, был совершенно бел. Из груди кувыркавшихся тел то и дело выглядывала плутоватая белая мордашка с игриво оскаленной пастью и удивленно вытаращенными смородиново-красными бусинками глаз.

На правобережье

В плотном потоке автомобилей въехали с набережной на Коммунальный мост, поплыли над Енисеем на его правый берег. В машине рядом с учителем – ударная группа суриковского проекта – Бориска Кубланов, Илья Гусев и Роман Тюлюгенов.

Двадцать минут назад Владимир Михайлович остановил их у входа в лицей, сообщил, что нужно ехать на карьер – выбирать гранитную глыбу для памятной стелы на Суриковом ключе. Они, как участники проекта, приказом директора освобождены на сегодня от занятий и их задача – подобрать глыбу, провести на карьере видео съемку для предполагавшегося любительского фильма о Суриковом ключе, и разузнать там все о возможностях погрузки камня и его транспортировки к месту намеченной установки.

Но прежде, наверное, нужно сказать о том, что о Суриковом ключе в лицее знали, наверное, все. Заслуга в этом, без сомнения, принадлежала Тамаре Семеновне Щелуповой, – преподавательнице ТРИЗа (теория решения изобретательских задач, – были в то время в лицее и такие уроки). Как-то она узнала от краеведа Лалетиной о найденных ею исторических документах, из которых следовало, что недалеко от лицея – километрах в полтора, среди полей и холмов есть поляна с бьющим из земли ключиком, где когда-то были покосы семьи казаков Суриковых, – предков знаменитого русского художника. Ну и загорелась идеей взять лицеем шефство над этим историческим местом, сделать его площадкой для исторических экскурсий и трудового воспитания подрастающего поколения.

Нужно отдать должное Тамаре Семеновне – она вскоре увлекла этой идеей и руководство лицея, и многих романтически настроенных учителей. Значительная часть учеников, да и многие из преподавателей побывали там, так что разговоры о Суриковом ключе были в лицее довольно частым явлением, со временем, даже можно сказать, набившими оскомину, поскольку дальше разговоров о благородной затее дело никак не шло.

Поляна с ключом действительно была расположена в изумительно красивом месте – среди кустарника и белоствольных берез, на берегу ручья, на окраине широкого луга, по ту сторону которого, под горою, красовался довольно-таки приличный пруд – великолепное место отдыха для горожан.

Проницательный читатель, должно быть, мысленно уже представил себе это место. Скопанные обрывки старых газет, пластиковые бутылки, а то и стеклянные, хорошо, если еще не битые, черные пятна кострищ, изломанные кусты, ободранная кора белоствольных красавиц Одним словом, как обычно бывает в тех местах, где любят отдыхать по воскресным дням наши славные горожане, – «любители природы».

Пробовали, конечно, навести там порядок. Приводили ребят целыми классами, собирали мусор в полиэтиленовые пакеты, которые потом кто-то, может быть, и дотаскивал до лицейской мусорки, а кто-то, и, наверное, таких было большинство, спихивали неудобный груз на обратном пути незаметно куда-нибудь под куст, в канаву, или под забор чьей-нибудь дачи, чтобы потом беззаботно скакать по дачным улочкам, минуя лицей, прямо домой, – благо, такие вылазки устраивались обычно в конце уроков. А через неделю возле ключа было так, будто никто там и не прибирался. Становилось ясно, – нужно искать какое-то другое, более кардинальное решение. Но какое? И где взять средства на его выполнение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.